

Чарлз Патрик Фицджералд

История Китая

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613465

История Китая / Пер. с англ. Л.А. Калашиниковой.: Центрполиграф;

Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3800-2

Аннотация

В этой книге последовательно излагается история Китая с древнейших времен до наших дней. Автор рассказывает о правлении императорских династий, войнах, составлении летописей, возникновении иероглифов, общественном устройстве этой великой и загадочной страны. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Хронология	4
Вступительное слово о Китае	7
1. Страна и язык	28
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Чарлз Патрик Фицджералд

История Китая

Хронология

Таблица

ПЕРИОДЫ	ИСТОРИЯ	КУЛЬТУРА	ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
<p>ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРИОД до 1523 г. до н. э. Ся (1994—1523 гг. до н. э.)</p>	<p>Период мифических императоров Фу Си (2953—2698 гг. до н. э.), создатель восьми триграмм Шинь-нун (2838—2598), создатель земледелия Хуан-ди (2698—2598), создатель письменности Великий Юй (ум. 2197), укротитель наводнений</p>	<p>Эпоха неолита</p>	<p>Древнее царство в Египте (3100—2160) Начало возвышения шумерской цивилизации (ок. 3000) Расцвет минойской культуры на Крите (ок. 1700 — ок. 1500)</p>
<p>ШАН ок. 1523 — ок. 1028 гг. до н. э. столицы: Аньян, район Чэнцжоу</p>	<p>Чжао Син (ум. 1027), последний правитель династии Шан</p>	<p>Бронзовый век; литье бронзовых сосудов «Книга перемен» («И цзинь») (начата ок. 1100) Первые свидетельства надписей религиозного содержания на костях, барельефы, шеп, манускрипты</p>	<p>Расцвет Египетской империи (ок. 1300) Исход евреев из Египта (ок. 1240) Троянская война (ок. 1200)</p>
<p>ЧЖОУ (ок. 1027 — ок. 256 гг. до н. э.) Восточное Чжао (1027—722) Хроники «Весны и Осени» (722—481) столица: Лоян «Эпоха воюющих государств» (481—221) столица: Лоян</p>	<p>Установление феодализма Кочевники Юн завоевывают Западно-Чжао (722) Феодализм начинает клониться к закату (ок. 500) Войны между царствами Цинь, Ци, Чу, Чжао, Хань, Вэй, Юэ, Янь</p>	<p>«Книга историй» («Шу цзинь») (начата ок. 1000) «Книга песен» («Ши цзинь») (ок. 700) Весенние и Осенние праздники (ок. 500) Начало железного века (ок. 500) Расцвет философских школ: Лао-цзы (род. 604?), Конфуций (551—479), «Беседы и суждения»; Мо-цзы (ок. 470—391) Пять свидетельств существования палочек для счёта, арбалетов, строительства каналов</p>	<p>Расцвет Ассирийской империи (ок. 900 — ок. 600) Век древнееврейских пророков (ок. 875 — ок. 520) Расцвет империи эллисов (ок. 800 — ок. 500) Будда (ок. 563 — ок. 483) Персидская империя (538—333) Золотой век Афин (ок. 500 — ок. 350) Александр Великий завоевывает Египет и Западную Азию (336—323)</p>
<p>ЦИНЬ (ок. 221—207 гг. до н. э.) столица: Чаньань</p>	<p>Цинь Шихуан-ди, первый император (222—210) Ли Сы (ум. 208), государственный министр Объединение Китая (221) Завершено строительство Великой Китайской стены (ок. 220)</p>	<p>Сожжение книг (213) Преобладание философии легизма, преследование последователей всех остальных школ Унификация письменности, мер и веса</p>	
<p>РАННЯЯ ХАНЬ (202 г. до н. э. — 25 г. н. э.) столица: Чаньань</p>	<p>Уничтожение феодализма, конец крепостного права Лю Бан, провозглашённый императором Гао-цзы (202—195) Император У-ди (140—87) Территориальная экспансия в Центральную Азию (ок. 115)</p>	<p>Канонизация конфуцианской философии Популярность тайской магии «Книга обрядов» («И цзинь») (ок. 100) Сяма Цянь (145 — ок. 80) «Исторические хроники» Широкое использование монет</p>	<p>Расцвет Римской империи (ок. 100 г. до н. э. — 200 г. н. э.) Иисус (4 г. до н. э? — 29 г. н. э.)</p>

СИН (9—23 гг.)	Император Ван Мин, Узурпатор (9—23)		
ПОЗДНЯЯ ХАНЬ (25—220 гг.) столица: Лоян	Император Гуань У (25—57) Китайцы завоевывают Монголию (121) Открытие Великого шелкового пути (ок. 140) Букхы получают власть при императоре Линь-ди (167—189) Восстание Желтых повязок (184) Император Сян-ди (190—220)	Появление буддизма (примерно I в. н. э.) Перевод буддийских текстов Изобретение бумаги (ок. 100) Использование арифметических компасов Синдетельства настенных живописи, барельефов, скульптурных изображений в захоронениях	
ТРИ ЦАРСТВА (Шу, Вэй и У) (220—265 гг.)	Период политической раздробленности	Плантримы в буддийские поселения в Индии	Империя Сасанидов в Персии (226)
СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ ИМПЕРИИ (265—589 гг.) Шесть династий (Восточная Цзинь, Западная Цзинь, Сун, Южная Ци, Южная Лян, Южная Чэнь) (265—589) Барварские династии (386—587)	Период колонизации Южного Китая Барвары вторгаются в Китай (IV в.) Император У-ди (502—549) династии Южная Лян Власть военной аристократии (V—VI вв.)	Золотой век буддизма в Китае Развитие секты чань-буддизма Буддийское влияние на искусство и культуру	Барвары захватывают Рим (410) Юстиниан, правитель Восточной Римской империи Расцвет буддийской пещерной скульптуры и живописи (527—565) Буддизм достигает Японии (ок. 550) Мохаммеда (570—632)
СУИ (590—618 гг.) столица: Янжжоу, Лоян, Чаньцань	Ян Чжен, прозванный императором Вань-ди (590—604) Новое объединение Китая Ян Куан, прозванный императором Ян-ди (605—618) Строительство Великого канала		Смутное время
ТАН (618—906 гг.) столица: Чаньцань	Период территориальных захватов в Маньчжурии и Центральной Азии Контакты с Японией, Юго-Восточной Азией, Византией, Арабской империей Ли Шиминь, прозванный императором Дай-цзунюм (626—649) Создание профессиональной армии Императрица У Ху (690—705) Сюань-цзун, прозванный императором Мин-хуаном (712—756) Восстание Ань Лушаня (755)	Получение государственных должностей после сдачи экзаменов становится системой, расцвет эпохи ученых-чиновников Великая эра поэзии: Ли Бо (705—762), Ду Фу (712—770) Иностранные религии в Китае: хороастрим, несторианство, манихейство, иудаизм, ислам Объявление буддизма вне закона (845) Бриллиантовая сутра, первая печатная книга (868) Массовое производство фарфора Употребление чая становится привычным	Установление королевства в Гане (ок. 600) Расцвет Арабской империи (635—715) Империя Карла Великого (768—814) Расцвет феодализма в Европе Золотой век цивилизации майя
ПЯТЬ ДИНАСТИЙ (Поздняя Лян, Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань, Поздняя Чжаоу) (907—960 гг.)	Время государственных переворотов Монголы начинают завоевание Северного Китая	Издание классической конфуцианской литературы Винтование ног женщинам Первое употребление пороха в военных целях	
СЕВЕРНАЯ СУН (960—1126 гг.) столица: Кайфэн	Чжао Куаньинь, титул — Император Дай-цзун (960—976) Новое объединение Китая Премьер-министр Ван Аньши (1069— 1086) Издание новых законов, призванных реформировать китайскую экономику Император Хуэй Цзунь (1101—1125) Монголы завоевывают Северный Китай (1127)	Расцвет портретной и пейзажной живописи Осушение заболоченных территорий Изобретение печати (ок. 1045), шлозы (XI в.)	Завоевание норманнами Англии (1066) Первый крестовый поход (1096—1099) Великая эпоха европейского Средневековья (ок. 1000 — ок. 1350)
ЮЖНАЯ СУН (1127—1279 гг.) столица: Ханчжоу	Династия Сун контролирует юг Чингисхан (ок. 1167—1227) Монголы начинают завоевание юга	Расцвет портретной и пейзажной живописи Расцвет морской торговли	Монголы завоевывают Россию (1237—1240)
		Неоконфуцианская философия Чжу Си (1130—1200), комментатор текстов Конфуция	

ЮАНЬ, ИЛИ МОНГОЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ (1260—1368 гг.) столица: Пекин	Хубилай (1260—1294) Марко Поло в Китае (1275—1292) Монголы пытаются покорить Японию	Упадок гражданской службы Китайцы путешествуют за границу Расцвет традиционной китайской драмы	
МИН (1368—1644 гг.) столицы: Пекин, Нанкин	Чжу Юаньчжан, прозванный императором Хун У Император Юн-лэ (1403—1424) Реконструкция Пекина Морские экспедиции в Индийский океан (1405—1433) Император Чжэн Тун (1436—1449, 1457—1464) Португальские купцы прибывают в Кантон (1514) Император Ван Ли (1573—1620)	Возрождение традиционной культуры Восстановление гражданской службы Маттео Риччи прибывает в Китай (1582) Расцвет жанра романа Широкий экспорт фарфора	Турки захватывают Константинополь (1453) Итальянское Возрождение (ок. 1410 — ок. 1550) Открытие Америки (1492) Реформация и распространение протестантизма, начатые Мартином Лютером (1517) Королева Елизавета I (1558—1603)
ЦИНЬ, ИЛИ МАНЬЧЖУРСКАЯ ДИНАСТИЯ (1644—1912 гг.) столицы: Мукден, Пекин	Император Канси (1662—1722) Россия устанавливает свои права на торговлю в Пекине (1689) Император Циньлун (1736—1795) Опиумная война (1840—1842) Европейские страны пытаются установить свою гегемонию в Китае (после 1840) Восстание тайпинов (1850) Англичане и французы берут Пекин (1860) Вдовствующая императрица Цыси (1862—1908) Император Тун Чжэнь (1862—1875) Программа модернизации Китая Война с Японией (1894—1895) Восстание икхэуаней (боксеров) (1900—1901) Республиканская революция (1911)	Налог на ношение косичек Императорское покровительство иезуитам Спор об обрядах (ок. 1710) Курение опиума становится повсеместно распространенным явлением (начало XIX в.) Китай открыт для миссионеров (1842) Западное культурное влияние (после 1861); переводы западных книг Китайцы учатся за границей Строительство первой железной дороги (1896) Основание Пекинского университета (1898)	Период Возрождения в Европе (ок. 1600 — ок. 1750) Распространение влияния китайского искусства и китайской философской мысли в Европе (XVIII в.) Начало Американской революции (1776) Начало Французской революции (1789) Индустриальная революция в Европе Королева Виктория (1837—1901) Европейские государства борются за колонизационные владения Индустриализация в Европе (1868—1912)

Вступительное слово о Китае

«Далекий» и «таинственный» – именно такие эпитеты приходят на ум западному обывателю, когда речь заходит о Китае. У нас давно вошло в привычку так смотреть на Китай, эта привычка действительно очень давняя – она восходит еще к римлянам и к их представлениям о жителях Востока, которые производили столь будоражащий воображение и столь ценный товар, как шелк. Последние политические изменения и конфликты лишь закрепили это впечатление. Если говорить о расстоянии, то Китай действительно находится очень далеко и от Европы, и от Америки, но это можно сказать и о многих других регионах, которые тем не менее не кажутся нам таинственными. Причина, по которой Запад считает Китай «странным», заключается в следующем: это единственная в мире цивилизация, на которую западная мысль не оказала сколь бы то ни было значительного влияния, и это также единственный крупный регион на земле, где никогда не правил западный человек.

Населению западных стран кажется, что в Китае все наоборот: белый цвет у них символизирует траур, пишат китайцы сверху вниз, причем начиная с верхнего правого угла; китайские книги следует читать с той страницы тома, где европейские как раз заканчиваются. Можно привести и другие примеры. Но всех их объединяет одно: в каждом случае

всегда возможны два варианта, из которых Запад выбирает одно, а Китай – другое. Чтобы выразить дань уважения к умершему, надевают либо черное, либо белое – другие цвета недопустимы. Чтобы выразить уважение к гостю, его надо посадить либо справа, либо слева от хозяина. Книгу можно открыть и начать читать либо с одного, либо с другого конца – вряд ли кто-нибудь когда-нибудь придумает, что можно читать ее с середины.

Эти простые примеры раскрывают два важных фактора китайской культуры: 1) она была независима от влияния Запада; 2) она основана на тех же самых психологических императивах, что и любые другие проявления человеческого поведения. Возможно, китайцы и находились далеко от нас в ту эпоху, когда средства связи были еще недостаточно сильно развиты, но и тогда они не были таинственными, а только непонятными европейцам. Китайцы строили свою цивилизацию вне пределов влияния цивилизаций Ближнего Востока или Запада, поэтому у них появилось множество отличительных черт. Несмотря на это, корни китайской техники и искусства – те же самые, что и других народов эпохи неолита, разница, правда, тоже существует, и заключается она в отличающихся направлениях, по которым шло развитие формы. То же самое можно сказать насчет религии и философии. Потребности человека везде одинаковы – ему нужна вера, чтобы побороть страх перед лицом смерти и жестокими силами природы и вера в высшую справедливость,

в силы более могущественные, чем сам человек. Эти стремления столь же ярко проявляются у китайцев, как и у других народов, но вот найденный китайцами ответ оказался весьма и весьма специфическим. Он резко отличается от традиции других стран.

На Западе широко распространено еще одно заблуждение, а именно: китайская цивилизация очень древняя, уходящая корнями в далекое прошлое. На самом же деле она гораздо моложе, например, критской цивилизации. Цивилизация Ближнего Востока также намного старше китайской. Причина же этого заблуждения кроется в том, что цивилизации Древнего Египта, Месопотамии и Греции были преобразованы или разрушены уже много веков назад, в то время как китайская культура демонстрирует непрерывность своего развития с древнейших времен до наших дней. Сами китайцы в немалой степени способствовали распространению этого заблуждения. Считалось абсолютно нормальным записывать в официальные летописи выдуманные события, которые якобы на самом деле имели место быть, причем за тысячу лет до начала реальной истории Китая. Эта древняя традиция была, без сомнения, принята на веру первыми синологами, которые, конечно, не имели возможности подтвердить реальность исторических событий археологическими находками. Поэтому сложилось впечатление, что история Китая насчитывает уже четыре тысячи лет, отсюда еще одно давнее мнение о Китае как о неизменяемой цивилизации, которая

породила высокоорганизованную государственную систему еще в далекие времена европейской античности и сохранила ее практически неизменной до наших дней.

Прежние книги по истории Китая, созданные на Западе, основывались исключительно на традиционных материалах, они говорят об объединенной империи, территория которой будто бы всегда была примерно равна нынешней территории Китая, об императорах, чиновниках, префектурах и провинциях – обо всем аппарате императорской бюрократии, которая на самом деле даже не начала образовываться до начала II века до нашей эры. Существовали ли объективные причины того, что китайцы сознательно «старили» свою историю, подчеркивали ее древность и не существовавшее в ту пору единство? Почему легенды древних времен должны были быть так переделаны, что они стали выглядеть как летопись событий? Эти причины были забыты или же намеренно скрыты почитателями старины и традиций. Так было до последнего времени, когда собственно китайские историки поставили под сомнение мифическое прошлое своей страны и показали его таким, каким оно было на самом деле. Еще даже Сунь Ятсен, революционер современной эпохи, говорил об истории периода около 2000 года до нашей эры как если бы это были события, подтвержденные подлинными записями. Эту ошибку тем легче было совершить, поскольку с IV века до нашей эры китайцы действительно вели более подробные, точные и хронологически выверенные

записи событий, чем это делали другие народы мира. Ко II веку до нашей эры Китай создал огромные и тщательно написанные книги по истории, которые до XVIII–XIX веков не имели себе равных на Западе. Эта практика сохранилась до наших дней. История Китая, может быть, и не длиннее, чем история Греции или Ближнего Востока, но она, несомненно, более точно и полно зафиксирована.

Именно поэтому китайским ученым и их западным ученикам было трудно отличить подлинную историю последних двух тысяч лет от отрывочных и часто вымышленных «записей» более раннего времени. Эта путаница создавала еще одну, куда более серьезную. Китайцы писали свою историю с вполне определенной целью – нравственной, которая состояла в том, чтобы предостеречь современников от ошибок, приводя печальные примеры прошлых пороков и заблуждений, и вдохновить их на добрые дела примерами добродетели и мудрости. Фактические события нельзя было фальсифицировать: если действия бывших правителей были плохими, они должны были служить примером порока и ошибок. Там, где исторические записи не могли преподать такой урок, следовало заменить их традицией. Легенды прошлого должны были принять вид, подходящий для того, чтобы служить нравственным уроком.

Китайская традиция берет свое начало с мифических императоров – правителей, обучавших зачаткам культуры дикарей, которые жили еще на деревьях. Когда эти мифиче-

ские императоры подняли общество на достаточный уровень цивилизованности, оно стало неприкосновенным. Это было необходимым условием существования традиции. Как могли более слабые, более «земные» люди улучшить то, что создали эти императоры? Их век был золотым веком; все, что следовало за ним, по определению не могло быть лучше. Оно должно было быть либо хуже, либо на крайний случай – бледной копией идеального порядка вещей, установленного на все времена первыми правителями мира. Это как если бы Запад свято уверовал в то, что его институты смоделированы по образу и подобию садов Эдема, и начал бы изо всех сил стараться возродить свою изначальную невинность. Мифические императоры научили своих диких учеников всем добродетелям и дали им первые уроки ремесел и искусства. Таким образом, как считалось, они полностью выполнили свои обязанности правителей. Последующим же поколениям не оставалось ничего, кроме как поддерживать или при необходимости восстанавливать верховенство добродетели. Это, конечно, теория в том виде, в каком она сложилась под влиянием Конфуция и которая зародилась примерно во времена Христа. И именно эта теория дала толчок идее о «неизменности» Китая.

Китайские ученые более позднего периода не только сами свято верили в эту теорию, но и передавали эту веру своим европейским ученикам, первым миссионерам. Последние в свою очередь восприняли ее не потому, что она была для них

источником гордости и славы, как для их китайских коллег, но потому, что она, казалось, пробивала брешь в броне китайской цивилизации. Если Китай действительно был таким неизменным, как полагали сами китайцы, то, значит, он никогда не знал откровения Божьего; он упустил царство Божье, и, соответственно, ему нужно было именно то, что было у миссионеров, – евангелие. В этом кроется причина многих заблуждений. Китайские ученые и западные миссионеры объединились для того, чтобы сохранить миф о неизменности Китая и разнести его по всему миру. И надо признать, что они весьма и весьма преуспели в этом.

Эта книга ставит своей целью рассеять туман, созданный этим мифом, и показать реальный характер китайского общества и подлинный ход истории этой страны. Возможно, кому-то это покажется попыткой принизить китайцев, но на самом деле это не так, поскольку факты раскроют подлинный характер жизнелюбивого, умеющего приспособиться к изменяющимся условиям, изобретательного народа. Народа, который очень далек от того, чтобы быть связанным с монотонным повторением одних и тех же сюжетов истории и с застывшим в своем развитии обществом. Несмотря на то что возникает вопрос о разной интерпретации одних и тех же событий, тем не менее неоспорим тот факт, что основополагающие принципы китайской цивилизации и ход истории Китая имеют свои отличительные черты. Действительно, китайская цивилизация развивалась в изоляции от остальных

крупных государственных образований древности. В XIX веке существовала точка зрения, которой придерживались так, как если бы она была ниспослана свыше. Она заключалась в том, что все культуры находились в постоянном взаимодействии и что все цивилизации произошли от египтян и шумеров; считалось, что было невозможно изолированное развитие техники и общества. Сейчас эта точка зрения практически не находит поддержки. Дело в том, что она не учитывает тех фактов, которые мы теперь знаем о раннем Китае. Нет доказательств того, что основные элементы древнекитайской культуры были привнесены извне, или того, что китайцы как нация происходят из какой-то другой части Земли. Все, напротив, свидетельствует о том, что китайцы развивались на одной и той же территории. Даже чисто внешне сегодняшние жители Китая мало отличаются от своих далеких предков эпохи неолита. Китайцы всегда жили в Китае.

Сами китайцы никогда и не подвергали этот факт сомнению. У них не было обычая мигрировать либо колонизировать дальние страны. Об этом нет данных ни в одной из древних легенд. Мифические императоры жили в Китае, а точнее, в Северном Китае. Именно в этих провинциях, которые в течение нескольких веков были ядром китайской цивилизации, они выполняли свою функцию обучения и воспитания дикарей и формирования цивилизованного мира. Предполагается, что именно эти дикари и были предками современных китайцев. Да и сами императоры не были здесь чу-

жаками. Дошедшие до нас образцы древней культуры позволяют предположить, что древние герои считались богами, чье превращение в мудрых земных правителей, возможно, произошло не раньше II века до нашей эры.

Некоторые черты китайской культуры действительно свидетельствуют о ее непрерывном развитии. Китайское государство или ранние государства (поскольку единое государство образовалось много позже) всегда были монархическими. Нет данных о том, что китайцы знали какую-нибудь иную форму государственного правления. Монархия же основывалась на принципах семьи: как отец был всегда непрекаемым главой семьи, так и правитель был непрекаемым и неоспоримым главой государства. Очень редко монархи признавали верховную власть какого-либо другого правителя. Некоторые представители высшей аристократии иногда приходили к власти, но их правление никогда не было ни продолжительным, ни прочным. Пока находящиеся в подчинении у верховного правителя были его родственниками (фактически – его семьей), они действительно подчинялись ему; по мере того как родственные связи ослабевали, правители отдельных государств становились все более независимыми от верховной власти.

В 1487 г. художник Шэн Чжоу изобразил на картине себя и троих друзей сидящими осенним днем в беседке на берегу реки. Благоговейное отношение к красоте характерно для духовного склада китайцев и их искусства

Эта параллель, проводимая между государством и семьей, также послужила основой для появления еще одной теории, разработанной китайскими учеными и с восторгом принятой на Западе. Она называется теорией династического цикла и объясняет политику с позиции общеизвестных фактов развития человеческого общества. Каждый из нас был свидетелем падения великих и знаменитых семейств, зачастую в короткий промежуток времени. Основатель семьи, как правило, человек, который поднимается из нищеты к власти и богатству, его старший сын делает все, чтобы сберечь и даже преумножить накопленное, но очень редко в состоянии сам создать его. Внуки и правнуки скорее склонны пожинать плоды трудов старших поколений, нежели преумножать богатство. Последующие поколения не способны даже удержать положение, завоеванное их предками. Медленно, но

верно они погружаются в пучину безделья. Богатство уменьшается, и в конце их ждет более чем нищета.

Применительно к династии эта теория также во многом верна. Без сомнения, постепенное убывание инициативы и способности действовать – факт вполне реальный, но эта теория полностью игнорирует другие факторы. Китайские историки пытались с ее помощью дать полное объяснение смены исторических эпох. Получалось, что империя целиком и полностью зависела от нравственных качеств монарха. Экономические изменения, набеги иноземцев или другие виды давления со стороны, социальные изменения – все это якобы не имело никакого отношения к возвышению и падению династий. Если возникали какие-то катаклизмы, то в их основе лежало моральное несовершенство правителя или императора. Если же общество развивалось по восходящей, то это было заслугой добродетельного монарха, вдохновленного учением мудрецов. В результате подобного объяснения исторических событий нравственными качествами императора процесс развития человеческого общества представлялся цепью сменяющих друг друга циклов, каждый из которых состоял из подъема, процветания, упадка и, наконец, падения. Никто не мог миновать этой судьбы.

Китайские историки во многом смогли избежать ошибки, которую так долго совершали их западные коллеги. Последние считали, что история якобы является лишь цепью, записью деяний великих людей. Китайские же ученые верили в

династический цикл, в теорию, которая была на самом деле столь же ошибочной. Теория «великого человека» поднимала деяния героя на такую высоту, что экономические изменения и другие факторы не могли помешать его безграничной инициативе; теория династического цикла вообще отрицала, что любая инициатива или какое-то изменение обстоятельств могут надолго изменить неизбежный ход вещей.

Сам объем и тщательность фиксирования китайской истории становится ловушкой – все записанные события пересказаны и зафиксированы весьма подробно. Не делается никаких попыток «прикрыть» неудачи великих либо, наоборот, приукрасить их достижения. Поэтому естественно, что западные историки, изучавшие Китай, верили, что от них требуется только одно: добросовестно переводить исторические записи. Китайцы якобы сами все объяснили и доказали, что история Поднебесной развивается без изменений по одному раз и навсегда установленному образцу. Западные ученые привыкли в это верить. Таково было всеобщее мнение. Китайские историки обращали мало внимания на изменяющиеся обстоятельства или экономический рост; если они когда-то и упоминали об этом, то не подчеркивали эти обстоятельства и очень редко связывали их с основным ходом событий.

Ранние западные историки шли тем же путем. Они всячески подчеркивали то, что их китайские коллеги считали важным, а именно нравственную сторону событий: был тот

или иной император мудрым или глупым, трудолюбивым или праздным. Они очень редко задумывались над тем, что же в это время происходило с самим китайским народом. Увеличивалось ли население страны или, наоборот, уменьшалось, изменялась ли его социальная структура, развивалась ли техника? Вопросы, которые, возможно, подразумевали, что со времени золотого века происходили какие-то изменения, иногда и к лучшему, даже не поднимались. Китайские историки также никогда не задумывались над проблемой о религиозных предпочтениях. Такие изменения просто не приветствовались. Китайский народ должен был следовать учению мудрецов и их великого ученика Конфуция. Если бы даже китайцы вдруг обратились к буддизму, а следовательно, к учению «варваров», или вдруг позволили ввести в своей стране ислам, то подобные вещи даже не стали бы обсуждаться или фиксироваться в исторических хрониках. Если какой-то император благоволил к буддизму, то это порицалось и его действия рассматривались как источник всех последующих несчастий или падения династии. В официальных хрониках не уделялось большого внимания распространению ислама в Китае в VIII–X веках нашей эры. И это не было лишь данью моде: ни один император не стал мусульманином, а когда с течением времени многие подданные императора приняли мусульманство, это ни в коей мере не заинтересовало историков.

Все вышесказанное относится к официальной истории,

которая, по сути, является хроникой двадцати четырех династий, ведь традиционно китайцы делят свою историю до XVII века именно на периоды правления этих династий. Двадцать пятая, последняя династия, конечно, не включена в эту хронику, поскольку согласно китайской традиции – традиции, которая была отринута республиканцами, официальная история династии не могла быть зафиксирована, пока период ее правления не подошел к концу. Эта традиция возникла из требования оценивать человеческие слабости непредвзято. Ни одна династия не имела права давать оценку своим собственным деяниям: ведь тогда факты были бы искажены, фальсифицированы, зло затушевано, добродетели преувеличены, а хвастливая ложь возведена в ранг правды. Династия могла бы (и даже наверняка сделала бы это) присвоить архивы, которые бережно сохранялись. Но все это не могло быть отредактировано или опубликовано, пока династия не сходила с политической сцены. Лишь после этого новый правитель или, если период его правления был краток или нестабилен, следующий правитель, чья власть оказывалась достаточно прочной, созывал группу наиболее известных и уважаемых ученых, чтобы они подготовили и опубликовали историю ушедшей династии. В этом случае никто не выигрывал от фальсификации событий, и правда о них никому не приносила вреда. Предполагалось (на основании многовекового опыта и в соответствии с теорией династического цикла), что все династии рано или поздно приходят в

упадок и уходят и что все новые правящие режимы станут новыми династиями, подверженными такому же политическому риску и имеющими столь же честолюбивые устремления, что и прежние династии. Поэтому история должна была «созреть», чтобы в подходящий момент ее можно было отредактировать и опубликовать.

К счастью, китайцы не всегда следовали официальной практике и записывали какие-то интересные события раньше, чем два-три века спустя. Это происходило благодаря существованию неофициальных исторических хроник, которые, даже если и носили несколько предвзятый характер, часто были написаны очень живым языком и представляли довольно занятное чтение. Некоторые из этих материалов, вероятно, еще находятся в до сих пор скрытых архивах, однако есть некоторые события и сплетни, о которых официальные власти не сообщили бы никогда.

Нужда в каких-либо современных хрониках восполнялась другим путем – путем публикации различных альманахов. Эти публикации содержат много ценной исторической информации, часто носящей такой характер, что она наверняка была бы обделена вниманием официальных историков. Только недавно стало известно о существовании такого ценного источника информации. Однако к тому времени мифы, которые ранние китайские писатели восприняли от китайских же традиционных историков, укоренились в общественном сознании. Именно официальная точка зрения и

нашла свое отражение в учебниках и, естественно, сыграла огромную роль в формировании мировоззрения большинства грамотных людей.

Сам характер китайских хроник предопределил тот факт, что все внимание в них уделялось политической истории династии, а также хитросплетениям интриг двора. Все, что не было связано с жизнью правителя и его советников, мало интересовало историков. Ярким примером подобного ограничения сферы интересов является то, каким образом описывалась жизнь императрицы У Ху династии Тан, которая жила в VII веке нашей эры. Она была женщиной, и уже поэтому не должна была бы осуществлять политическую власть, по закону женщины не имели права стоять во главе государства. Ее поведение было далеко не безупречным с точки зрения общепринятой морали, она была жестокой и безжалостной. Конфуцианские историки без колебаний осуждают тот факт, что сначала она вырвала бразды правления из рук безвольного мужа, а потом фактически узурпировала трон. Однако объективности ради они вынуждены признать, что У Ху была прекрасным правителем, при ней империя жила без потрясений, стала сильнее, расширила свои границы. При У Ху была проведена реформа управления, императрица заботилась об образовании населения. Конфуцианским историкам стоит большого труда признать все это, пусть даже и в форме комментариев и побочных замечаний, но они воздерживаются от полной и всесторонней оценки одной из наиболее

выдающихся фигур в политической истории Китая.

То же самое касается истории экономики и социологии: все, что не вписывается в заданную концепцию, игнорируется. Историки обращаются к экономическим и общественным изменениям только для того, чтобы сделать повествование более понятным или прояснить какой-то момент истории, но не всю историю в целом. Действительно, в истории правления династий есть отдельные части, посвященные землепользованию, ирригации, военному сообщению, но все эти вопросы, так или иначе, связаны с правящим кланом. Налогообложение было вплотную связано с системой землепользования; ирригация и строительство каналов находилось в ведении императорского правительства, поскольку объем этих общественных работ был слишком велик для того, чтобы этим занимались местные власти. Армия же была силой, на которую опиралось правительство. Армия также отвечала за охрану северных границ – Великой Китайской стены – от нашествия кочевых племен. Государственная религия и астрономия находились под особой заботой императора, который был верховным служителем культа небес и земли, проявления власти которого изучала астрономия. Социальные изменения, напрямую не влиявшие на эти виды деятельности, не являлись предметами исследований. Религиозные верования рассматривались как суеверия людей и не считались достойными упоминания. Рост новых социальных классов и групп, а также закат и исчезновение других

вообще не признавалось как явление. Разделение на ученых, чиновников, крестьян, землевладельцев произошло еще в древности, так гласила ортодоксальная доктрина. Торговцев и ремесленников она вообще не воспринимала как общественную прослойку – они принадлежали к презируемому меньшинству. Феодализм рассматривался как внутреннее устройство династии Чжоу, которая уже ушла в небытие, однако упадок этой системы и ее замена централизованным бюрократическим правительством до сих пор является одним из основных изменений общественного строя Китая. Формирование новой аристократии, которая не была тесно связана с каким-либо феодалом, и медленное рассеивание этой группы и перераспределение власти между представителями класса образованных людей, которые находились на государственной службе после сдачи соответствующих экзаменов. Эти жизненно важные изменения, происходившие в китайском обществе с III по XI век нашей эры, историки в основном игнорировали. Отрывочные данные о них появляются лишь в разрозненных документах, собранных воедино лишь современными учеными, изучающими изменения в составе правящего класса с точки зрения происхождения его членов.

Поэтому современные историки, занимающиеся вопросами общественной жизни Китая, должны каким-то образом выйти за рамки ограничений, наложенных теорией династического цикла, и признать, что основные и наиболее важные изменения происходили в периоды длительного нахождения

у власти одной и той же династии, а не в результате ее падения и смены династий. Династическая теория утверждает, что феодализм закончился с возвышением династии Хань в 220 году нашей эры, хотя его остаточные черты существовали еще долго после этого, и что середина периода правления династии Тан примерно в 750 году стала временем серьезных изменений в обществе, когда военная аристократия была заменена ученой бюрократией. На самом деле этот процесс продолжался и после падения династии Тан в 906 году и не был завершен, пока следующая сильная династия Сун не укрепилась у власти. Новая и более реалистичная периодизация делит историю Китая на античный период (примерно до 200 года до нашей эры, когда начался период правления династии Хань). Ранний имперский период длится с 200 года до нашей эры до примерно 300 года нашей эры, Средние века – с 300 года до примерно 1300 года нашей эры, периода татаро-монгольского нашествия. Новое время включает правление монголов, династии Мин и Цин, новейший период – после падения империи в 1912 году. Необходимо добавить, что ни одна из этих периодизаций не принимается марксистскими историками. Для них общество во всех частях света развивается от примитивной, родовой экономики к рабовладельческой монархии, которая затем сменяется феодализмом, основанным на крепостном строе и затем, на более позднем этапе, капитализмом. Существуют разные мнения относительно того, как в эту схему вписывается ис-

тория Европы, но что касается истории Китая, то здесь она вызывает сомнения. Чтобы согласиться с ней, надо точно знать (а свидетельств тому практически нет), что древнее китайское государство было рабовладельческим. А без этого у нас нет различия между феодализмом VIII века до нашей эры и бюрократическим и аристократическим государством VIII века нашей эры, и без этого нельзя признать изменения, произошедшие в правящем классе. Феодализм, зародившийся в самом начале официальной истории Китая, сохранялся до 1949 года, когда народная республика навеки стряхнула со страны его оковы. Можно только удивляться, как могла так долго просуществовать такая жесткая система, настолько не соответствующая известным фактам, особенно учитывая, что национальные тенденции начинают преобладать в китайском коммунизме и одновременно вытеснять идеи русского коммунизма. Важно отметить, что современные китайские историки используют термин «феодализм» в более широком значении, чем их коллеги – некоммунисты. В современном Китае написано много ценных работ по общественной истории Китая и по ранее не замечавшейся истории развития китайской науки и техники (эти предметы лежали вне сферы интересов старой династической школы). С течением времени, когда политические страсти улягутся, придет более полное и всеобъемлющее понимание китайской истории. Разные точки зрения на ее периодизацию будут пересмотрены учеными будущего, которые будут бо-

лее заинтересованы в фактах, доподлинно установленных в результате неустанного труда ученых сегодняшних.

1. Страна и язык

До падения в 1912 году китайской императорской династии Цин, или Маньчжурской династии, собственно Китаем было принято считать восемь провинций, расположенных внутри Великой Китайской стены. Три маньчжурские провинции, равно как и огромные зависимые территории, лежавшие за Великой Китайской стеной, а именно Монголия, Тибет и Синьцзян, считались территориями, находившимися под суверенитетом Китая, но не являвшимися при этом частями доминиона. На то существовали особые исторические причины, которые утратили свое значение в момент провозглашения Китайской Республики, когда в состав Китая вошли все прилегающие территории. Часть Монголии, расположенная за пределами пустыни Гоби, отделилась и была признана независимым государством. Согласно положениям международного права сегодня под Китаем подразумевается вся территория бывшей Маньчжурской империи, за исключением Внешней Монголии, включая территории Тибета, китайской Центральной Азии и Внутренней Монголии. Китай представляет собой регион, по размерам сопоставимый с иным континентом, площадью примерно 3 млн квадратных километров. Для сравнения: территория США лишь ненамного больше территории Китая, а без учета Аляски и Гавайев, – немного меньше. С исторической

и культурной точки зрения под Китаем обычно понимается Древний Китай, расположенный внутри Великой Китайской стены, то есть территория, на которой издавна селились многие миллионы людей. Лишь в новое время китайцы начали расселяться на других территориях. Этот «Китай восемнадцати провинций», как его обычно называют сами китайцы, представлял собой поразительный регион, протянувшийся от границы с Монголией (где очень холодная зима) до тропиков Гуандуна и острова Хайнань. На территории одной страны представлены практически все климатические зоны, и, соответственно, там произрастают разнообразные виды сельскохозяйственных растений.

В зависимости от климатических зон принято выделять в Китае три основных региона, которые в основном соответствуют бассейнам трех крупнейших рек страны. Северный Китай расположен в бассейне реки Хуанхэ, Желтой реки, где горные цепи тянутся вдоль монгольской границы вплоть до Великой Китайской стены.

此山係峨嵋山之一支也
其山之高峻與此山無異
其山之險峻與此山無異
其山之奇麗與此山無異
其山之雄偉與此山無異

此山係峨嵋山之一支也
其山之高峻與此山無異
其山之險峻與此山無異
其山之奇麗與此山無異
其山之雄偉與此山無異
其山之秀麗與此山無異
其山之清幽與此山無異
其山之靜謐與此山無異
其山之空曠與此山無異
其山之荒涼與此山無異

此山係峨嵋山之一支也
其山之高峻與此山無異
其山之險峻與此山無異
其山之奇麗與此山無異
其山之雄偉與此山無異
其山之秀麗與此山無異
其山之清幽與此山無異
其山之靜謐與此山無異
其山之空曠與此山無異
其山之荒涼與此山無異

На картинах с изображением живописного пейзажа часто можно увидеть стихотворные строчки, выполненные каллиграфическим почерком. Эта картина, которая называется «Весенняя пахота», относится к XV в.

Центральный Китай находится в долине реки Янцзы, которая отделена от северных районов лишь грядой относительно невысоких гор. На востоке эти два района соединяются в долине реки Хуайхэ, образуя некую промежуточную зону, которая в смутные времена всегда являлась ареной военных действий.

Если в Европе ареной боев всегда являлись южные или прибрежные земли, то в Китае такой территорией издавна была долина реки Хуайхэ. Для этого есть несколько причин: 1) стратегически важное расположение и 2) то, что сюда можно добраться как с юга, так и севера страны. Южный Китай включает в себя провинции, расположенные вдоль побережья к югу от Шанхая, Чжэцзяна и Фуцзяни, которые не являются частью бассейнов наиболее важных рек страны, а также самые южные провинции – Гуандун на побережье и прилегающие к ней Гуанси, Гуанчжоу, Юньнань на западе. Южные провинции Китая отделены от провинций бассейна реки Янцзы труднопроходимыми горными цепями, что обусловило своеобразие исторического и культурного развития всего данного региона.

Но есть и еще один, более важный с исторической точки зрения способ деления Китая, а именно деление на восток и запад, или на гористую и равнинную части. Это разделение особенно четко проявляется на севере Китая. Пекин лежит у подножия горных цепей: к западу от города горы тянутся непрерывной грядой до Тибета и дальше; к востоку равнина простирается вплоть до моря. За исключением гористого полуострова Шаньдун рельеф местности от Пекина до бассейна Янцзы является исключительно ровным. Современная линия главной железнодорожной магистрали тянется с севера на юг — неподалеку от основания горной цепи. Если смотреть из окна поезда, то с одной стороны видны горы, с другой же нет ни единой возвышенности. Что касается Центрального Китая, то там рельеф местности несколько другой. Великая река Янцзы прорывается сквозь горы и образует собственную ровную долину, неширокую, но чрезвычайно плодородную. И к северу и к югу от реки видны горные цепи. У устья реки ил заполнил широкую территорию, когда-то являвшуюся мелким морем. Там иногда попадаются отдельно стоящие горы, которые свидетельствуют о том, что раньше на их месте были острова. На юге Китая нет больших равнин. Дельта реки к югу от Гуандуна, где очень велика плотность населения, является самой большой и практически единственной равнинной зоной страны. Тем не менее и здесь существует четкое разделение между западом и востоком. Западные провинции Гуанчжоу и Юньнань в ос-

новном представляют собой гористую территорию с вершинами от 4000 до 8000 футов высотой. Высокие горные цепи пересекают обе провинции с запада на восток. Прибрежные провинции Гуандун и Гуанси, находящиеся в плодородных районах Западной реки и ее притоков, имеют более ровный ландшафт. Горы там менее величественные, а долины более ровные. Исторически сложилось так, что между прибрежными провинциями и западными территориями не существовало тесных связей. В западные провинции было сравнительно легко добраться с севера, из долины Янцзы, хотя этот маршрут (там, где сейчас находится Бирманская дорога) был весьма труден, так как пролегал через горы.

Фуцзянь и Чжэцзян на восточном побережье всегда были изолированы от остальных районов страны. Это особенно касается Чжэцзяна, куда легче было добраться морем, чем по суше, и который до недавнего времени не имел железнодорожного сообщения с остальными районами. Обе провинции отличает наличие высоких скалистых гор в центре и небольших плодородных равнин в устьях рек на побережье. Высокая плотность населения на этих равнинах вынуждала людей переселяться в другие районы. Миллионы китайцев – выходцев из Фуцзяни сейчас проживают на Тайване, в Индонезии, Малайзии и на Таиланде. Они составляют большинство китайцев-эмигрантов. «Лишнее» население Чжэцзяна предпочло двинуться на север, на богатые земли побережья Янцзы, и современный Шанхай, расположенный в устье Янц-

зы, является чуть ли не колонией поселенцев из Чжэцзяна.

На этом природном фоне и развивается история китайского народа. Сразу же становится ясно, что хотя Китай и превратился в огромное единое государство – империю с двухтысячелетней историей, – тем не менее географические особенности мало способствовали такому развитию событий. Можно даже сказать, что топография Китая с ее естественным делением страны горными цепями скорее могла бы привести к возникновению и росту отдельных государств с населением, схожим по внешним данным, но различающимся языком и культурой. Возможно, основным фактором, препятствующим такому развитию событий, явился тот факт, что территория, включающая северные равнины и долину Янцзы, была достаточно большой и однородной по составу населения, чтобы распространить свое влияние на весь современный Китай. Провинции Шаньдун, Хэбэй, Хэнань, Шаньси и Шэньси расположены по соседству друг с другом и большей частью разделены только реками, которые, тем не менее, скорее соединяли, чем разделяли их. Это означало, что любое государство, контролирующее этот большой регион протяженностью более чем 700 миль с запада на восток и примерно столько же с севера до долины Янцзы, оказывалось сильнее, чем любой возможный союз других китайских государств, и стремилось подчинить соседей своему влиянию.

В течение нескольких веков, начиная с 481 года до нашей эры, северный регион был поделен между многими государ-

ствами, чаще всего враждовавшими между собой. Неудивительно, что именно в этот период образовалось несколько южных монархических государств, которые некоторое время могли оставаться независимыми и даже бросать вызов северному доминиону. Идея о том, что между Северным и Южным Китаем существовало принципиальное различие и что их союз был случайным, а разрыв неизбежным, приобрела распространение на Западе в переходный период после падения династии Цин в 1912 году. Этот принцип не находит подтверждения в истории Китая и возник как следствие неких временных обстоятельств. Поскольку идеи республиканцев-революционеров получили наибольшее распространение в Кантоне, а выходцы из Кантона составляли большинство китайцев-эмигрантов, то южане, казалось, должны были быть более подвержены всяческому модным веяниям, чем их северные соседи, которые в основном оставались равнодушными ко всем новым течениям. Так оно и было некоторое время. По мере того как распространение современных идей и технологий на юге и на севере стало идти примерно равными темпами, кажущееся преобладание выходцев из Кантона в революционном правительстве сошло на нет. Наличие больших трудовых и сырьевых ресурсов на севере восстановило баланс сил, который традиционно существовал в Китае.

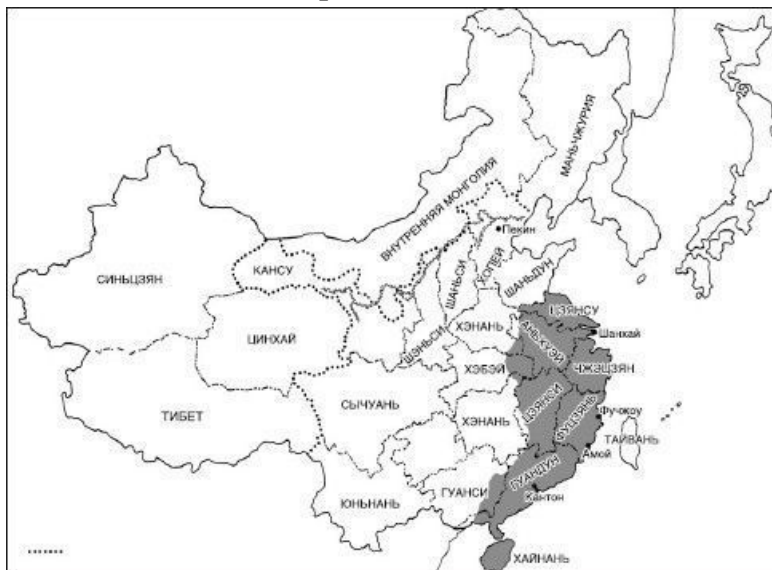
Периоды, когда объединенным Китаем правили южные властители, были редкими и непродолжительными. Все династии, находившиеся у власти по многу лет, правили на се-

вере, даже если были выходцами с юга.

Таким образом, отдельные мононациональные государства практически не имели шансов на выживание и дальнейшее развитие, пока север страны был объединен под сильным единым руководством. Наибольшие шансы на самостоятельное развитие имели западные провинции: Ганьсу, Шэньси, Сычуань и Юньнань. При этом Ганьсу всегда являлась объектом набегов татаромонголов и была слишком слабой, чтобы долгое время отстаивать свою независимость. Шэньси, расположенной на реке Вай, притоке Хуанхэ, вследствие географического положения было выгоднее попытаться установить свое господство над восточными равнинами, а не оставаться в изоляции. Именно это определило роль провинции на многие века. Именно из Яньнани, что на севере Шэньси, началось распространение коммунизма в Китае, пока коммунисты не смогли установить военное господство над восточными равнинами и, следовательно, над всем Китаем. Первая империя, объединившая Китай, возникла на месте царства Цинь в провинции Шэньси.

Сычуань, отгороженная от остальных соседей горами с севера, тибетским массивом с запада и Янцзы с востока, очень часто, как и в последней войне, оказывалась прибежищем уходящих режимов, которые теряли контроль над Восточным Китаем. Эта богатая и плодородная провинция, способная прокормить многочисленное население, однако, никогда не становилась центром власти, не стремилась порабо-

тить соседей – возможно, потому, что ее жители были слишком обеспечены, чтобы стремиться двигаться куда-то еще. По этой же причине жители безропотно отдавали власть в руки любого сильного правительства с севера. Юньнань же была слишком отдаленной провинцией, чтобы претендовать на власть над обширными территориями, и слишком разобщенной, чтобы сохранять собственную независимость. В течение нескольких веков в Юньнани существовало хорошо организованное, независимое от Китая царство, но под сильным китайским влиянием, прежде всего культурным, государство не могло расширяться, в результате царство вошло в состав Китайской империи.

На всей территории «Китайская восемнадцать провинций» большая часть населения говорит на нормативном китайском, но на юго-востоке страны (на карте этот регион выделен темным цветом) существует много диалектов. На Тибете, в Синьцзяне и Маньчжурии традиционно жили представители национальных меньшинств, однако именно китайские поселенцы сейчас составляют костяк жителей Маньчжурии

Долина Янцзы, большая и богатая, также, возможно, была центром могущественного царства; это было во времена европейской античности. Реки обеспечивали сообщение между всеми провинциями, расположенными в долине. Земля здесь плодородная, она не подвержена наводнениям и засухам. Однако долина Янцзы из-за своей большой протяженности была уязвима для нападений с севера. Отдельные режимы, базировавшиеся в Нанкине, традиционной столице провинций бассейна Янцзы, могли существовать, лишь пока на севере был период разобщенности. В более ранние периоды истории незащищенность и уязвимость этого региона частично объяснялись тем, что Центральный Китай, как и южные территории, был менее заселен, чем северные районы. Колонизация и заселение провинций долины Янцзы были длительным процессом. Только когда он завершился в XII–XIII веках, и когда одновременно север подвергся нападению

кочевых народов, центральный регион сумел сравниться по влиянию с севером. Он приобрел экономическое преимущество, которое сумел сохранить, однако современное развитие сырьевой базы севера свидетельствует о том, что старое соотношение сил будет восстановлено.

Прибрежные провинции Южного Китая не являлись частью собственно Китая до начала I века до нашей эры. Их население было родственно вьетнамцам. Эти провинции вошли в состав Китайской империи во время правления династии Хань в I веке до нашей эры, но, по сути, оставались колонией Китая в течение нескольких последующих веков, пока большой приток туда китайцев в период правления династии Тан (в VII–X веках нашей эры) не привел к окончательной ассимиляции местного населения.

До сих пор кантонцы, в отличие от остальных китайцев, называют себя «люди Тан», а не «люди Хань» (а именно так называют себя китайцы). Хотя все еще сохраняются некоторые различия в культуре и используются различные диалекты китайского языка, на субконтиненте никогда не существовало условий для развития отдельных наций. Несмотря на очевидное разнообразие, топография Китая скорее способствовала объединению земель, и развитие китайской цивилизации имело тенденцию к укреплению единства и никогда не способствовало сепаратистским настроениям. Для китайцев разъединение было синонимом слабости и беспорядков, а единство означало силу и мир. Писатель XV века

начинает свой знаменитый исторический роман «Троецарствие» с замечания: «Империя, долго существовавшая единым государством, стремится к распаду; а когда она распалась, снова стремится к объединению».

Нет точных данных о населении Китая до I века до нашей эры; повсюду в мире первые статистические данные о населении появились несколько позже. Китайцы начали вести подсчет населения с целью более эффективного взимания налогов. Это не была простая регистрация семей, выплачивающих налоги, каждая из которых обозначалась именем главы семьи. Раскопки на местах разрушенных городов Хань в пустынях Синьцзяна и северо-западной провинции Ханьцзы свидетельствуют о том, что в переписи были указаны все члены семей, включая детей. Однако здесь важно помнить следующее: перепись касалась только тех слоев, которые подвергались налогообложению, то есть сюда не входила аристократия, большинство чиновников; также в перепись не включалась немногочисленная прослойка рабов. Официальное число зарегистрированных жителей Китая в I веке до нашей эры составляло 60 млн человек. Сто лет спустя зарегистрированных жителей оказалось несколько меньше – чуть более 50 млн.

Крыша керамической мельницы укрывает рабочих, работающих на сельскохозяйственных машинах, которые (слева направо) шелушат рис, молотят зерно и просеивают пшеницу. Рис – типичное сельскохозяйственное растение Южного Китая, рожь и пшеницу выращивают на севере

Это не означает, что население в целом уменьшилось, просто уменьшилось число налогоплательщиков, поскольку миллионы китайцев сумели освободиться от уплаты налогов, став арендаторами угодий, принадлежавших дворянству и не

подлежащих налогообложению. Из данных этих списков и других источников становится ясно, что в последние века до нашей эры и первые века нашей эры во время правления династии Хань большая часть населения была сосредоточена в районах, которые сейчас считаются севером Китая. Число жителей долины Янцзы было значительно меньше, но оно постоянно росло. Империя Хань была первым длительным периодом единства Китая, когда шла неуклонная колонизация долины Янцзы, но эта колонизация практически не затронула крайний юг. Вскоре после падения династии Хань в начале III века нашей эры империя была захвачена кочевниками и поделена на северную часть, где правили династии завоевателей, и на южную часть, где правили собственно китайские императоры из Нанкина. Период деления на Северную и Южную империи был временем дальнейшей колонизации плодородных провинций Янцзы. Тысячи земледельцев с севера двинулись на территории, где еще правили их соотечественники. С другой стороны, монгольские завоеватели на севере были слишком малочисленны, чтобы сколь бы то ни было повлиять на гигантское китайское население, которым они управляли. Военная аристократия была преимущественно монгольского происхождения, но скоро они начали заключать браки с представителями китайской аристократии. Вскоре большая часть поработителей была ассимилирована поработенными.

Интенсивное заселение крайних южных земель началось

только при династии Тан, когда Гуандун и соседняя Гуанси были колонизированы китайскими переселенцами с севера, причем по большей части политическими ссыльными. Крайний юг был своеобразной китайской Сибирью. Последними в состав империи вошли юго-западные провинции Гуанчжоу и Юньнань, которые начали осваиваться переселенцами лишь в последние пятьсот лет, в конце правления династии Мин и в период правления маньчжурской династии Цин. До сих пор значительную часть населения этих провинций Китая составляют так называемые национальные меньшинства, которые продолжают жить либо в горных районах, либо в низких, довольно неблагоприятных для здоровья долинах, где китайцы предпочитали не селиться. В древности, в период Средневековья и в более позднее время заселение этих районов китайцами носило мирный характер. Китайцы начинали заселять эти места часто до того, как их правители формально устанавливали свое господство над регионами. Правительство часто использовало эти места для расселения бывших солдат. Население Юньнани, особенно живущее поблизости от столицы провинции Куньмина, говорит на пекинском диалекте, несмотря на то что эти два города разделяют 2000 миль, хотя он, конечно, сохранил некоторые отличия от языка-оригинала. Причиной служит тот факт, что в конце XVII века, в начале правления династии Цин, армия северян двинулась туда с целью уничтожить последних сторонников династии Мин. Когда война закончилась, сол-

даты заселили покоренные земли, причем пришлых людей было так много, что язык, на котором они говорили, вытеснил местный диалект. В период правления династий Мин и Цин Юньнань, столь отдаленная от Пекина, стала основным местом ссылки людей, недовольных режимом. Естественно, население некоторых городов и районов Юньнани переняло диалект многих провинций, причем этот процесс затронул не только Юньнань, таким же образом в тот или иной период времени заселялись и другие провинции. Колонизация южных и юго-западных земель, а также долины Янцзы в более раннее время имеет много общих черт с расширением китайских владений за морем – в Малайзии, Индонезии, Таиланде, Бирме и на Филиппинах. Установлено, что в Малайзии и Сингапуре поселились многочисленные повстанцы-тайпины, которые бежали из Китая после поражения восстания в середине XIX века. Постепенное расселение китайцев на южных землях продолжалось более двух тысяч лет. Было бы неверно при этом делать вывод о том, что тому препятствовала внешнеполитическая ситуация. Нет ничего особенно нового в том, как нынешнее правительство Китая стимулирует и поощряет заселение Синьцзяна и Тибета. Точно так же действовали все сильные правящие династии, начиная со времени династии Хань, – они стремились расселить свое избыточное население в пограничных районах, чтобы укрепить власть центра над отдаленными провинциями.

Склонившийся над сетью рыбак времен династии Мин, вырезанный из черного нефрита, рассматривает улов

Таким образом, китайцы колонизировали огромные территории, ранее заселенные немногочисленным населением самых разных национальностей. Остается вопрос, насколько этот процесс изменил самих китайцев, насколько полной была ассимиляция представителей некитайской национальности. В целом ответ на этот вопрос, кажется, может быть таким: китайцы смогли насадить свою культуру и язык там, где их численность была намного больше численности местного населения, которое попросту полностью ассимилировалось. Так или иначе, всегда оставались группы людей, сохранявшие свою культуру, язык и самосознание.

Как признают сами китайцы, население, живущее в разных районах, различается по темпераменту и характеру. Как правило, характеристики жителей тех или иных районов Китая бывают либо в высшей степени положительными, либо весьма негативными. Северяне сами себя считают солидными, надежными, мужественными и выносливыми людьми, южане же говорят о северянах как о неотесанных, весьма недалеких, но физически крепких людях. И те и другие сходятся во мнении, что жители долины Янцзы, особенно провинции Хэбэй, болтливы и ненадежны. Одна из пословиц, не слишком популярная в Хэбэе, гласит: «На небе – птица с девятью языками, на земле – хэбэец». При этом и южане и северяне признают, что самая лучшая кухня – именно в долине Янцзы, да и способности к обучению грамоте и во-

обще уровень интеллекта тамошнего населения очень высоки. Северяне и жители центральных районов согласны в том, что кантонцы слишком умны, они обычно получают самые престижные должности. Они придерживаются клановых уз, по складу характера склонны к авантюрам и убеждены, что Кантон – это и есть (или должен быть) Китай. Кантонцы считают северян и жителей долины Янцзы «чужаками», которые хотят управлять югом. Кантонцы склонны считать, что они выполняют самую трудную работу, в то время как другие пожинают плоды их труда во властных структурах. Это традиционное отношение кантонцев к любому режиму, базирующемуся на севере, и есть свидетельства того, что такое отношение сохраняется и поныне. Все живущие за пределами крайних западных областей весьма прохладно относятся к жителям провинций Юньнань и Сычуань. Их считают неотесанными горцами, хорошими воинами, но совершенно некультурными людьми; в лучшем случае к ним относятся как к жителям приграничной полосы, переселенцам. В то же время сычуаньцы – это «вещь в себе», они проявляют подозрительность ко всем чужакам, считая себя в привилегированном положении благодаря богатству своей провинции, и стремятся держать чужаков на расстоянии. У жителей Шаньси – выходцев с севера – репутация примерно такая же, как и у шотландцев в Англии: хитроумные бизнесмены, если их хвалят, и вспыльчивые, как порох, если их критикуют. Однако было бы неправильно считать все эти характеристики

проявлением остро ощущаемой разобщенности. Они всего лишь являются продуктом устоявшихся региональных отличительных черт; то же самое можно наблюдать в любой другой стране мира, все равно – большой или маленькой.

Наличие в китайском языке разнообразных диалектов, часто выходящих за рамки границ провинций, в какой-то степени является гораздо более важным фактором, чем региональные различия, но и его важность не следует преувеличивать. Основным регионом, где распространено наибольшее количество диалектов, является юго-восточное побережье. Это также регион, откуда эмигрировало за море наибольшее количество китайцев, район с наибольшим числом крупных портов. Поэтому путешественнику, приехавшему в Китай в первый раз, часто казалось, что и по всей стране в каждом городе – свой собственный диалект. Те, что познакомились с Китаем через эмигрантов, также видели, что все они говорят на разных диалектах, часто непонятных друг другу. Отсюда и возникло мнение, что в Китае нет единого языка, а существует огромное количество диалектов, на которые «наложился» искусственный язык «мандарин», на котором говорили лишь чиновники.

Часть пейзажа «Рыбаки на реке», датируемого XV в., свидетельствует о том, что в дельтах рек Южного и Центрального Китая преобладали заболоченные земли

Необходимо отметить, что китайские поселенцы на заморских территориях были бедными и неграмотными людьми, не способными различать и понимать незнакомые варианты собственного языка. Образованные люди не имели таких проблем. Китайские студенты за морем могут спокойно общаться друг с другом на двух разных диалектах, причем каждый из них говорит на языке своих предков, а остальные его вполне понимают, даже если они и не в состоянии отвечать на том же языке. Во-вторых, большое число диалектов сосредоточено примерно на $\frac{1}{5}$ территории Китая внутри Великой Китайской стены, где живет менее четверти

населения страны. Что касается остального Китая, то север, центр и запад говорят на языке таком же единообразном, как, например, современный английский, причем внутри его меньше радикально отличающихся вариантов, таких, как английский язык темнокожего населения Миссисипи или шотландцев Лоуленда. Этот язык лежит в основе языка «мандарин»; китайские антикоммунисты называют его национальным языком, а на континенте его, наоборот, называют «нормативным» языком – «путун хуа».

Каллиграфия, утонченное и сложное искусство, требует использования специальных приспособлений, многие из которых сами по себе являются произведениями искусства, например тушецница из прессованной туши (в центре), фарфоровые и нефритовые кисти (наверху) и подставка для кистей (внизу), выполненная в форме цветка сливы

Язык «мандарин» – это не искусственное изобретение чиновников, но облагороженная форма общего для всего Китая языка, так называемая «культурная речь Пекина», как об этом сказал глава правительства Чжоу Энлай. Язык «мандарин» имеет несколько вариаций – пекинский разговорный, язык Янцзы (или южный, как его называют в Пекине), а также его вариативные формы, которые распространены в Сычуани и Хэнани. Тот, кто выучит хотя бы один из вариантов языка «мандарин», не будет иметь трудностей в общении, находясь в Китае; его всегда и везде поймут, хотя, возможно, ему будет трудно воспринимать язык крестьян. Ценность языка «мандарин» заключается в том, что его могут понимать все образованные люди, причем это касается как южной диалектной зоны, так и всей страны. Основных диалектов в прибрежных регионах немного, фактически их только семь. Самый северный из них – это язык У, как он был известен в истории, хотя чаще его называют шанхайским диалектом, потому что на этом диалекте говорит боль-

шинство населения многомиллионного города. У – это древнее название дельты Янцзы – провинции Гуан-си. Он гораздо меньше отличается от стандартного китайского, чем другие южные диалекты. Следующим из этих диалектов является Хочжоу. Именно так произносится на местном диалекте название города Фучжоу, столицы провинции Фуцзянь. Этот диалект не особенно распространен за пределами этого города и его окрестностей, но он довольно известен благодаря тому, что его название ассоциируется со знаменитым городом. Также некоторые лингвисты утверждают, что этот диалект имеет произношение, не очень сильно отличающееся от произношения, которое было характерно для периода династии Хань (с III века до нашей эры до III века нашей эры), когда провинция вошла в состав Китая. Большинство населения провинции Фуцзянь говорит на диалекте Хокчу, который получил свое название от варианта произношения названия Фуцзянь. Это один из основных диалектов, на которых говорят китайцы на юге страны, в ее заморских колониях, в Юго-Восточной Азии. Этот диалект преобладает в порту Амой, поэтому чаще всего иностранцы и называют его диалектом Амой. Немного южнее распространен диалект Тойчи, именно таким образом произносится местными жителями название города Чжаочжоу. Это также один из основных диалектов, более распространенный за пределами Китая, чем внутри его. Кантонский диалект – это южный вариант языка «мандарин». Язык великого и древнего города, ко-

торый всегда был несомненным центром Южного Китая, отличается тем, что в нем развитие устного народного творчества способствовало появлению новых иероглифов. Существует много местных вариантов кантонского диалекта, но произношение, характерное для речи жителей самого Кантона, считается изначальной, «чистой» формой диалекта. Оно имеет явные связи с произношением и языковыми структурами языка периода династии Тан, когда Кантон начал заселяться выходцами с севера. Возможно, если бы китаец, живший в X веке, оказался в современном Китае, он понял бы кантонский диалект, но ничего не понял бы из того, что говорят в его родном городе. Характерной особенностью кантонского диалекта, известной на Западе, является частица Ah, которая ставится перед фамилией человека, о котором идет речь в разговоре. Однако эта частица не является эквивалентом слов типа «мистер», она носит менее определенный характер. Теперь эта частица употребляется только в кантонском языке. Однако в сохранившихся до нашего времени записях речей выдающихся деятелей периода правления Тан можно увидеть именно такое употребление этой частицы. Хайнаньский диалект (который, правда, сами говорящие на нем называют Хайлам) является языком большого острова Хай-нань в провинции Гуандун. Он имеет мало общего с языком, распространенным на континенте, и гораздо ближе к языку провинции Фуцзянь, находящейся в 100 милях к северу от острова. Кажется вполне вероятным, что за-

селение острова шло с севера, из Фуцзяни, а не из Гуандуна. Если это так, то тогда Хайнань в отдаленный период был первым заморским поселением китайцев, двинувшихся туда из Фуцзяни. Последним наиболее распространенным диалектом является хакка, что в переводе означает «заезжие семьи», «мигранты». Говорящие на хакка были по происхождению выходцами с севера Китая, которые в страхе перед монгольскими завоевателями в XIII веке нашей эры двинулись в огромных количествах на юг. Позже они перемешались с некоторыми местными горскими племенами некитайского происхождения и восприняли некоторые элементы их языка, в результате чего возник новый диалект. Хакка и сейчас не сильно отличается от северного нормативного языка, поэтому его вполне могут понимать и северяне. На всех этих южных диалектах говорит как население бывших заморских провинций, так и население зоны их первоначального распространения. С другой стороны, говорящие на нормативном китайском практически не понимают их. Тому факту, что на диалектах говорит население юго-восточного побережья и заморских территорий, часто придается неоправданно большое значение: исследователи не принимают во внимание, что все китайцы, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, на письме используют одни и те же иероглифы, понятные всем грамотным людям. Примерно лет соток тому назад многие люди, говорившие на диалектных языках, не умели писать. Особенно широко неграмотность

была распространена среди жителей заморских колоний Китая, которые по преимуществу были потомками бедных крестьянских семей. Таким образом, диалектные различия препятствовали полноценному общению, поэтому в заморских колониях проявилась тенденция к возникновению мини-колоний по языковому признаку. Новые переселенцы направлялись туда, где говорили на их языке. Распространение грамоты, особенно в последнее время, уменьшило значимость диалектов как разделяющего народ фактора. В то же время само существование диалектов заставляет китайцев сохранять свое идеографическое письмо (иероглифы).

Используя кисть, подобную той, что изображена на рисунке, знаменитый император династии Цин Канси пишет, сидя за столом напротив картины с изображением дракона

Природу иероглифической системы китайского языка легко понять, сравнив ее с системой арабских цифр (хотя на самом деле она является индийской), которой пользуются сейчас во всем мире и которую мы воспринимаем просто как данность. Когда англичанин, русский, француз или индус хочет написать «пять», он делает это не буквенным способом на своем родном языке, а просто пишет цифру 5. Цифра 5 и является идеограммой, или «сутью» понятия, не имеющей звуковой характеристики, но понятной всем, кто знает основы арифметики, вне зависимости от того, как они произносят слово, обозначающее цифру 5. Более того, значение не имеет ничего общего с формой идеограммы. Если мы хотим написать «пятьдесят», мы используем две идеограммы и так далее до бесконечности. В математике, помимо цифр, используются и другие идеограммы: +, —, =. Судя по всему, китайцы пришли к этому изобретению очень давно и, к тому же, совершенно самостоятельно. Они перенесли это изобретение на весь язык, в результате чего не только цифры, но и буквы стали обозначаться идеограммами.

Основой китайского письма в старину являлся следующий принцип: одна идеограмма заменяет одно слово. Можно

предположить, что в древности письмо заключалось просто в изображении картинок, хотя никаких памятников древности, подтверждающих это, не сохранилось. Каждый конкретный объект был представлен в виде более или менее стилизованного его изображения. Небольшое количество китайских иероглифов, обозначающих предметы повседневного обихода, все еще сохраняют часть своей примитивной конструкции изображения предмета, чтобы сделать его значение предельно ясным. Но к 1500 году до нашей эры система иероглифов вышла за пределы просто изображения слов с помощью пиктограмм. Именно к этому времени относятся самые ранние памятники китайской письменности, а именно надписи на камнях и на панцирях черепах. Уже в этот ранний период люди с помощью надписей пытались передать гораздо более сложные идеи, чем могли быть переданы с помощью картинок, изображавших конкретные объекты. Люди хотели найти способы выражения глаголов, прилагательных, а также абстрактных идей. Они использовали два основных приема для того, чтобы достичь этой цели, и эти приемы до сих пор лежат в основе китайской письменности. Первый прием заключается в соединении двух и более первоначальных пиктограмм, обычно в усеченной и упрощенной форме, для обозначения еще одного слова. Таким образом, слово «волшебник», или «бессмертный», или еще какое-нибудь понятие из области сверхъестественного передавалось с помощью идеограмм, изображавших слова «человек» и «гора», поскольку

тогда считалось, что подобные существа живут в горах. В более поздние времена слова типа «меланхолия» передавались с помощью хитроумной комбинации иероглифов, обозначающих воду, сердце и осень, поскольку считалось, что меланхолия – это чувство, которое возникает осенью, когда человек смотрит на лужу, покрытую опавшими листьями. В свою очередь, «осень» обозначается сочетанием идеограмм, обозначающих «огонь» и «зерновое растение», что говорило о сжигании соломы зерновых растений в качестве топлива и спелости зерна, готового к жатве.

Система соединения различных идеограмм была не вполне эффективной из-за своей сложности. Вторым приемом, дополняющий первый, учитывает звуковую сторону слов и таким образом совершенствует систему идеограмм. Когда китайцы хотели написать глагол, который нелегко выразить через какое-либо сочетание идеограмм, они использовали его омоним, к которому добавляли еще одну идеограмму, уже непосредственно связанную со значением слова, передававшую его идею.

На гадальных костях, по которым, как когда-то считалось, можно было предсказывать будущее, вырезан текст, являющийся самым ранним образцом китайской письменности

«Шань» по-китайски означает «гора», «возвышенность», это понятие изображается с помощью одной из древнейших основных идеограмм, которую очень легко запомнить. Точно так же звучит глагол «оскорблять», который не так легко выразить с помощью картинки, поэтому было решено к идеограмме «гора» добавить идеограмму со значением «слово», представляющую собой рот, из которого как бы расходятся в разные стороны четыре удара. В результате новое слово звучало как «гора», но любому читателю было понятно, что в сочетании с идеограммой «слово» это понятие не имеет ничего общего с горой, а означает нечто, исходящее из уст человека.

Если бы на протяжении последних трех тысяч лет нормы произношения не менялись, то эта система была бы более эффективной, чем она есть сейчас. Однако произошло много изменений, и слова, которые в древности были омофонами, перестали быть таковыми. Тем не менее значительная часть иероглифов составлена именно по этому принципу. В соответствии с этой системой 214 основных идеограмм, которые для удобства принято называть ключами, служат для

создания новых символов. Эти ключи большей частью являются простейшими пиктограммами, но среди них имеются и сравнительно сложные. Все иероглифы так или иначе связаны хотя бы с одним из 214 ключей, и большинство китайских словарей построено именно по принципу усложнения написания ключей, входящих в состав иероглифа.

Все слова, значение которых связано с процессом речи, объединены одним ключом, обозначающим понятие «речь»; все, что имеет отношение, скажем, к воде, огню, солнцу, луне, тканям, также объединено соответствующим по смыслу ключом, который вписан в иероглиф, подчиняясь законам гармонии или простоты написания. Можно возразить (и такие возражения довольно широко распространены), что 214 ключей – это неоправданно много. Написание наиболее сложных ключей могло бы быть упрощено, а общее число их сокращено, скажем, до 50. Без сомнения, подобная реформа была бы полезна, но если она не будет проведена одновременно китайцами и японцами, которые имеют сходный принцип написания иероглифов, то эта реформа вызовет только новую путаницу и приведет к тому, что все существующие словари в одночасье устареют.

Самое главное преимущество иероглифического письма заключается в том, что оно не зависит от вариантов произношения слов и от фонетических изменений, неизбежно происходящих с течением времени. Не важно, на каком диалекте говорит человек, он в любом случае может прочесть все,

написанное по-китайски. Он может прочитать письмо, написанное человеком, чья речь абсолютно непонятна для него, а также книги, написанные за много лет до его рождения, когда устная речь в значительной степени отличалась от того китайского, на котором сейчас говорят в Китае. Это означает, что китайцам гораздо легче понимать и наслаждаться языком древней литературы, чем европейцам. Трудности возникают только при чтении самых древних памятников письменности, созданных во времена, когда китайский язык только сформировался, и потому для чтения и понимания таких текстов нужна теперь специальная подготовка. Однако и эта трудность несравнима с теми, которые испытывают сегодня англичане, читая Чосера.

В XIX веке китайские ученые часто вступали в дискуссии со своими западными коллегами, утверждая, что это не китайцам необходимо изучать западные языки, а, напротив, Западу стоит воспринять китайскую систему иероглифов. При этом звучание слов перестало бы играть столь важную роль, поскольку их значение было бы ясно всем умеющим читать. Конечно, это несколько упрощенный подход к проблеме: в действительности синтаксис и грамматика играют в языке важную роль, и в результате такого эксперимента, вероятно, появились бы тексты, которые были бы мало понятны китайскому читателю.

У иероглифического письма есть и свои недостатки. Иероглифы запомнить гораздо труднее, чем обыкновенный

алфавит. В старом написании их было гораздо сложнее писать. Правда, эта проблема уже во многом решена, поскольку многие сложные иероглифы пишутся в сокращенном варианте, но все равно вряд ли на китайском можно писать с такой же скоростью, с какой мы пишем на языках, построенных на основе алфавита. Многие прежние недостатки иероглифического письма возникали из-за нежелания ученых упростить его, сделать более рациональным. Они не любили сокращений, которые чиновники использовали при письме от руки, потому в печатных текстах сокращения не появлялись. Тексты сохраняли огромное количество сложных иероглифов, которые редко использовались и только загружали память учеников ненужными знаниями. Большой словарь, составленный по приказу императора Канси в начале XVII века, содержит более 40 000 статей. Из них $\frac{4}{5}$ являются вариантами иероглифов, найденных в старинных рукописях: грубыми формами, редко встречающимися географическими названиями, терминами, вышедшими из употребления, и другими изысками.

Более точным и имеющим большее практическое значение источником, который может дать представление о числе китайских иероглифов, является Почтовый справочник.

Иероглифы, как таковые, невозможно передать телеграфом, они передаются с помощью латинских букв или, что чаще, цифр. В этой книге 7000 словарных статей, которые охватывают все географические названия Китая, все виды

растений и продуктов питания, минералов и животных, экономические термины – в общем, все, о чем только может идти речь в телеграмме. Причем половина из этих слов настолько узкоспециальные и малоупотребительные, что большинству населения просто нет необходимости запоминать их.

Утверждается, что хорошо образованный ученый может прочесть и написать около 4000 иероглифов, это все, что ему когда-нибудь может понадобиться. Обыкновенный образованный человек вполне может обходиться 3000 иероглифов, и всего 1000 нужна для того, чтобы обучить неграмотного простейшим навыкам чтения. Ограничение числа иероглифов, подлежащих запоминанию, – черта, характерная для всех китайских образовательных программ начиная с 1920 года, – значительно упростило проблему обучения неграмотных и позволило проводить обучение детей быстро и эффективно.

Использование современных обучающих методик смогло облегчить обучение иероглифическому письму по сравнению с теми временами, когда образование было в руках ученой элиты, которая отказывалась упростить трудоемкий процесс обучения, уже пройденный ранее ими самими. Трудность в изучении письма придавала в глазах других больший вес грамотным. На практике только те, кто умел читать классические литературные произведения, считались истинно образованными людьми. Те же, кто мог читать толь-

ко современные произведения, писать письма или вести бухгалтерию, не считали себя грамотными и не хвастались своими умениями в присутствии настоящих ученых. Сегодня образовательные программы, рассчитанные на большинство населения, создали огромную прослойку читателей, но для этих читателей классические тексты и ученые книги прошлого представляют значительную трудность. Дело в том, что для этого нужно выучить очень большое число иероглифов и к тому же необходимо знать, как слова с течением времени изменяли свое значение, а также иметь навыки понимания сжатого стиля с его очень точным выбором нужных слов.

В течение многих веков среди правительственных чиновников Китая (в том числе и занимающихся проблемами образования) тон задавала ученая элита – группа хорошо образованных людей, которые отказывались допустить хоть какое-то упрощение чрезвычайно сложной системы китайского письма. Эти ученые-чиновники изображены на свитке ручной работы периода правления династии Юань («Сочинение стихов весной на отдыхе»)

Из-за того, что китайский устный язык преимущественно состоит из односложных слов и имеет большое число омофонов, в нем появилось много словосочетаний, чтобы более точно передать смысл понятия. Например, китаец никогда не скажет «цзинь», чтобы передать понятие «золото», поскольку то же слово имеет в устной речи множество других значений. Он скажет «хуан цзинь», «желтое золото», чтобы у собеседника не возникло сомнений в значении слова. Однако на письме такие уточнения не требуются. Иероглиф «золото» нельзя спутать ни с каким другим.

Возможно, важной причиной сохранения иероглифического письма является стремление не нарушить единство нации. Если бы иероглифическое письмо было утрачено, то диалекты стали бы иностранными языками, абсолютно непонятными для людей других диалектов, а особенно для трех четвертей населения, которые говорят на нормативном китайском. Вторая причина нежелания принимать новую письменность заключается в том, что в этом случае вся ранее созданная литература оказалась бы попросту потерянной. Было бы весьма затруднительно передать значение иероглифов алфавитом. Сжатый стиль древней китайской литературы, множество омофонов просто не нашли бы своего отражения в алфавитной системе, которая не смогла бы передавать значения более чем нескольких слов, объединенных в одно целое. Следовательно, возникла бы необходимость перевода текстов на современный китайский язык путем трансли-

терапии. Эта задача представляется просто неразрешимой и бессмысленной, поскольку ценность древней литературы окажется утраченной.

Для облегчения жизни жителям западных стран было разработано несколько латинизированных систем передачи китайских иероглифов. Самыми первыми синологами стали миссионеры-иезуиты в конце XVII – начале XVIII века. Поскольку большинство из них были французами, первые латинизированные системы передавали китайские слова и понятия в орфографии, понятной французским читателям. Когда в Китае появились англичане, голландцы и другие представители европейских стран, то они начали придумывать свои собственные системы, подходящие для их родного языка. Путаница, возникшая из-за этого, была хуже, чем если бы вообще не существовало никакой системы, созданной иезуитами. Англичане предложили свою собственную систему, получившую широкое распространение. Она известна как система Уэйда – Джайлза, по имени двух ученых-дипломатов, создавших ее во второй половине XIX века. Идея передачи китайских звуков английскими буквами была, конечно, благородной, но ошибочной, поскольку в некоторых европейских языках по-разному произносятся буквы латинского алфавита. К сожалению, начальный согласный звук, который в английском языке произносится как «ч», очень распространен в китайском. Приписав буквы ch к этому звуку, Уэйд и Джайлз тем самым сразу обрекли себя на то, что их

система не будет понятна французам и некоторым другим европейцам, поскольку те по-другому произносят это буквосочетание.

Были и другие проблемы. В китайском языке звук «ч» имеет две формы, равно как и звук «т» в начале слова. Один из них твердый, другой – мягкий. Уэйд и Джайлз обозначают твердый «ч» как просто «ч», а мягкий – как «ч'». То же самое применительно к звуку «т». Это вызывает проблемы у английского читателя. К тому же Уэйд и Джайлз не приняли во внимание то, что современная пресса использует многочисленные приемы для ускорения процесса печати и чтения. Газеты редко используют в печатном виде все эти апострофы. В результате Уэйд и Джайлз создали систему, которая требовала специального обучения и не могла применяться без соответствующей инструкции.

В течение более чем ста лет китайцы игнорировали все эти попытки латинизации их письма. Им это просто было не нужно. Но постепенно, по мере того как контакты с Западом все более укреплялись, назрела необходимость в создании официальной латинизированной системы. Долгое время ни одно китайское правительство не могло справиться с этой задачей. Система, используемая службой почтовых отправлений, развивалась произвольно, используя примерное звучание диалектных форм, а также элементы французской системы и системы Уэйда – Джайлза. В результате названия многих городов стали писаться двумя разными способами.

Китайские ученые создавали хорошие и подробные системы передачи тонов в китайском языке латинскими буквами, но ни одна из них не стала официально признанной. Только после создания КНР государственная комиссия получила задание разработать систему, которая позволила бы передавать названия и другие слова с помощью букв.

Фаянсовая скульптура периода династии Цин изображает двух писцов с принадлежностями для письма

Китайцы пришли к пониманию, что буквенная система могла бы оказаться полезной для ускоренного изучения иероглифов и служить инструментом в борьбе с безграмотностью. До изобретения этой системы китайцы испытывали трудности в чтении иностранных слов и имен, поскольку их передача с помощью иероглифов была неэффективной. Некоторые иностранные имена, такие, как Ли или Ханн, легко передаются с помощью иероглифов. Другие, такие, как Рузвельт или Рассел, невозможно точно передать с помощью иероглифов. В китайском нет начальной «р» или «л» (ну и многих других букв тоже). В китайских документах эти имена приобретали вид «Ло Сыфу» или «Лю Сы». И естественно, читателю надо было приложить немало усилий для того, чтобы понять значение этих слов. Комиссия еще в 1956 году решила, что не стоит рекомендовать использование кириллицы для передачи китайских слов и что предпочтительнее использовать латинский алфавит «как наиболее распространенный». Затем члены комиссии решили, что система романизации предпочтительнее, чем система Уэйда–Джайлза (и ее производные) или французская система. Она поможет избежать использования нетипичных для европейцев начальных согласных. Сейчас латинский алфавит преподается во всех школах КНР. Китайцы привыкли писать с помощью латинского алфавита географические названия, например, на вокзалах и железнодорожных станциях, чтобы иностранцы могли прочесть их, а также использовать его для пе-

редачи иностранных имен, которые встречаются в том или ином тексте. Новый обычай писать по-китайски слева направо облегчает передачу слов латинскими буквами. В прошлом они писались бы сверху вниз, что затрудняло процесс как печатания, так и чтения. Новая китайская система романизации пытается передавать звуки стандартного китайского, но не диалектов. Политика государства в области образования предполагает обучение в школах именно нормативному китайскому; сейчас пока в школах, где большинство учащихся говорят на одном из диалектов, нормативный китайский преподается как второй язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.